

**Зоолог Юлий Николаевич Вагнер:
Неаполь – С.-Петербург – Киев – Белград¹**

Зоолог Юлий Николаевич Вагнер (1865–1946)², профессор Киевского политехнического института, а потом и университета в Белграде, известен в России много меньше своего отца — Николая Петровича Вагнера (1829–1907), также зоолога, профессора Императорских Казанского, а позже — С.-Петербургского университетов (ИКУ — 1861–1871 и ИСПБУ — 1871–1894). Старший Вагнер был основателем первой отечественной биологической станции в полярных широтах — на Соловках (1881), и открывателем явления педогенеза у насекомых (1862). Читающая публика конца XIX — начала XX в., наверное, даже больше знала Н. П. Вагнера в качестве писателя, автора знаменитых тогда «Сказок Кота-Мурлыки»³.

Эти Вагнеры происходили из саксонского дворянского рода, основание российской ветви которого положил Иоган Вагнер, перешедший на русскую службу при Екатерине II или Павле I. В 90-х гг. XVIII в. Вагнер с семьей переселился в Российскую империю, в Волынскую губернию и далее в город Пинск, где в 1811 г. он принял российское подданство⁴. Там И. Вагнер стал владельцем вольной аптеки. Его сын, Петр Иоган (Иванович) Вагнер, вначале пошел по стопам отца, получив высшее медицинское образование в России (Дерптский и Виленский университеты). Далее он, будучи доктором медицины, на казенном Богословском заводе (Урал) заинтересовался камнями и в результате стал профессором минералогии ИКУ (1840–1865). Его дети от О. А. Грубер — Николай и Михаил — получили потомственное

¹ Статья посвящается автором памяти Веры Николаевны Вагнер (1927–2008), внучки Ю. Н. Вагнера, общение с которой в значительной степени способствовало появлению этой публикации.

² Относительно года смерти Юлия Николаевича существуют расхождения — указываются также 1944 и 1945 гг.

³ *Вагнер Н. П.* Повести, сказки и рассказы Кота-мурлыки. СПб., 1887. Т. 1 (первое издание 1872 г.); *Фокин С. И.* Русские ученые в Неаполе. СПб., 2006; *Горяшко А.* Загадки Кота-Мурлыки // Московский журнал. 2008. № 1. С. 20–31.

⁴ Данные приведены на основании устного рассказа внучки Ю. Н. Вагнера — В. Н. Вагнер.

российское дворянство. Один из них — Николай Петрович — и был отцом Юлия.

Можно с уверенностью сказать, что младший Вагнер почти неизвестен в России для неспециалистов — ведь занимался Юлий Николаевич большую часть своей жизни весьма обособленной группой насекомых — Aphaniptera (Siphonaptera) — блохами⁵. Правда, в этой узкой области зоологии он был, безусловно, одним из мировых лидеров. Так что, если кто из профессионалов и помнит такого русского ученого, то только энтомологи. В 1920 г. Юлий Николаевич со своей второй семьей (женой и двумя детьми)⁶ навсегда покинул Россию и более 20 лет жил и работал в столице Сербии, Белграде, где в университетских кругах, может быть, он был даже более заметной фигурой, чем в России.

Мне неизвестны какие-либо русские публикации, кроме кратких биографических справок (или далеко не полных, или содержащих ряд существенных неточностей), посвященных этому ученому⁷. В Сербии, насколько я знаю, о Ю. Н. Вагнере опубликована также только очень краткая биографическая справка⁸. На Украине — это уже цитированная выше, достаточно пространная работа киевских архивистов, но она касается в большей степени украинского периода жизни Юлия

⁵ Мировая фауна блох — паразитов, питающихся кровью теплокровных, насчитывает около 2000 видов, обитающих на более чем 1600 видах млекопитающих и 500 видах птиц. Вагнером были описаны 6 семейств этих насекомых (<http://www.zin.ru/Animalia/Siphonaptera/tax.htm>).

⁶ В публикации об украинской части жизни Вагнера упоминаются дочь Ия и сын Ор. См.: *Карамаш С. Ю., Вировий С. И.* Зоолог Юлий Вагнер — вчений, громадянин, политик. Київ: Скарбниця документальної пам'яті. Вип. 1. С. 52–59. (*Карамаш С. Ю., Вировий С. И.* Зоолог Юлий Вагнер — ученый, гражданин, политик // Сборник документальной памяти. Вып. 1. Киев. 2006. С. 52–59). В письмах (1922–1940) к М. Н. Римскому-Корсакову сам Вагнер почему-то упоминает только сына.

⁷ Такие материалы приведены в книгах: *Богданов А. П.* Материалы для истории научной и практической деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с ней отраслям знания (1850–1887). Изв. ИОЛЕАЭ. М., без сс.; *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета (1869–1894)* / Ред. Н. А. Меншуткин. ИСПбУ, 1896. Т. 1. С. 118–120; *Волков В. А., Куликова М. В.* Российская профессура XVIII — начало XX в.: Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь. СПб., 2003. С. 100.

⁸ Руска емиграција у српској култури XX века. Београд. 1994. Т. II. С. 237.

Николаевича⁹. В исследованиях последних лет, посвященных русской эмиграции в Югославии, Вагнер обычно упоминается лишь как один из русских профессоров сельскохозяйственного факультета Белградского университета и как основатель Энтомологического института при этом университете, а также Сербского энтомологического общества. Кроме того, Ю. Н. Вагнер был связан с организацией и работой Русского научного института в Белграде (1928–1941)¹⁰. Таким образом, главная цель настоящей публикации — воскресить имя Ю. Н. Вагнера для истории отечественной зоологии. Обстоятельства сербской жизни ученого, к счастью, оказалось возможным проследить по обширной переписке Юлия Николаевича с одним из его бывших студентов в ИСПБУ — известным энтомологом М. Н. Римским-Корсаковым (1873–1951), и другим коллегой-энтомологом, сотрудником Зоологического музея Академии наук А. П. Семеновым-Тян-Шанским (1866–1942), охватывающей период с 1895 по 1940 г.¹¹

Юлий был вторым сыном в многодетной семье Николая Петровича и Екатерины Александровны, урожденной Худяковой¹². У Вагнеров было трое сыновей и три дочери¹³. Родился Юлий 13 декабря 1865 г. в Неаполе, где старший Вагнер, к тому времени уже ординарный профессор ИКУ, работал по эмбриологии беспозвоночных одновременно со своими коллегами, знаменитыми впоследствии учеными — А. О. Ко-

⁹ *Карамаш С. Ю., Вировий С. И.* Зоолог Юлий Вагнер — вчений, громадянин, политик.

¹⁰ *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии. I. Культурные организации русской интеллигенции в Югославии. II. Русская интеллигенция в Воеводине // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 46–99; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005.

¹¹ Петербургский филиал Архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 902. Оп. 2. Д. 89 — 32 письма и 95 почтовых открыток; Ф. 722. Оп. 2. Д. 170 — 41 письмо и 35 почтовых открыток.

¹² С.-Петербургский центральный исторический архив (СПбЦИА). Ф. 14. Оп. 1. Д. 8940. Л. 1. Старший брат Ю. Н. — Петр (1862–1932) — стал морским офицером и, впоследствии, художником, учеником А. И. Куинджи. В 1921–1929 г. он был профессором факультета Живописи, графики и скульптуры Высшего художественно-технического ин-та; младший — Владимир (1867–?), бесталанный молодой человек, прославился только убийством своей жены, за которое он был сослан в Сибирь, где вроде бы жил в Иркутске (*Алтаев А.* Памятные встречи. М., 1957. С. 292–297).

¹³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 740. Оп. 22. Д. 335. Л. 12.

валевским, И. И. Мечниковым и уже хорошо известным к тому времени академиком-физиологом Ф. В. Овсянниковым.

Вполне вероятно, что жили Вагнеры в Неаполе на Санта Лючия, там, где обычно селилось большинство русских ученых, — портовом, сравнительно дешевом и достаточно грязном районе Неаполя, навсегда оставшемся в культурной памяти человечества благодаря знаменитой неаполитанской песне. Там, видимо, Юлий и появился на свет. Крещен он был 31 мая 1866 г., уже по возвращению в Россию, в Москве, где жили в то время отец и старшая сестра Н. П. Вагнера. Таким образом, Неаполь был только стартовой точкой этой жизни. Юлий Николаевич жил в Неаполе достаточно долго только еще один раз — с осени 1895 по весну 1896 г., — когда, уже будучи магистром зоологии и сотрудником Зоотомического кабинета ИСПБУ, он работал там на знаменитой Зоологической станции Антона Дорна¹⁴. После Казани (1866–1871) часть детства и вся юность будущего «повелителя блох» прошли в Петербурге и его окрестностях. Несколько лет, например, семья Вагнеров в летнее время жила в Старой Руссе, где Николай Петрович свел знакомство с Ф. М. Достоевским¹⁵.

К моменту поступления Юлия в гимназию, старший Вагнер уже несколько лет был профессором ИСПБУ. В столицу Вагнеры переехали из Казани в конце 1871 г. Юлий окончил VIII Санкт-Петербургскую гимназию (бывшую 6-ти классную прогимназию) и в 1884 г. поступил в ИСПБУ на Естественный разряд Физико-математического факультета. В 1888 г. Ю. Н. Вагнер окончил курс университета кандидатом¹⁶ и с 1889 по 1894 г. состоял хранителем Зоотомического кабинета ИСПБУ. В 1889 г. он женился на слушательнице Высших женских курсов Е. Н. Дзвонкевич, от которой в 1893 г. родился его старший сын Николай¹⁷.

В Кабинете Юлий Николаевич начал занятия по гистологии кишечника *Rhynchota*¹⁸ и анатомии *Aphaniptera* под руководством тогда

¹⁴ *Фокин С. И.* Русские ученые в Неаполе.

¹⁵ Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская: Переписка. Л., 1976. С. 207–208; *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1971. С. 295–296.

¹⁶ То есть помимо сданных выпускных экзаменов за курс университета представил специальную (дипломную) работу.

¹⁷ Вагнер Н. Ю. (1893–1953), доктор естественных наук, ботаник-цитолог, а в последние годы — зоолог-физиолог, сотрудник проф. Б. Немеца в Карловом университете (Прага, Чехия) и ассистент проф. М. М. Новикова в Словацком университете (Братислава).

¹⁸ Старое название отряда Hemiptera — клопов.

начинающего приват-доцента, впоследствии профессора Казанского университета и основателя всеми признанной теперь теории симбиогенеза К. С. Мережковского (1855–1921). Летом 1887 г. Вагнер вместе с отцом и В. М. Шимкевичем (1858–1923), а также другими студентами, работал на Соловецкой биологической станции, где исследовал фауну гидромедуз Соловецкого залива и описал уникальную организацию полипа *Monobrachium parasiticum*. В 1888 г. Вагнер снова работал на Соловках над эмбриологией брюхоногих моллюсков. Описание этого полевого сезона на Станции было опубликовано (1889) однокурсником Ю. Н. Вагнера, В. А. Фаусеком (1861–1910), работавшим там одновременно с ним¹⁹. Осенью того же года Юлий продолжил работу над этой темой на Севастопольской биостанции. В 1889 г. Вагнер исследовал эмбриологию мизид²⁰, а с 1890 г. переключился на изучение эмбрионального развития клещей. Летом 1891 г. от Русского географического общества и Русского энтомологического общества Вагнер ездил для фаунистических исследований на озеро Байкал и в Забайкальскую область, посетив в том числе и Китай. В 1890 г. Юлий сдал магистерские экзамены и через три с половиной года защитил магистерскую диссертацию «История эмбрионального развития *Ixodes calcaratus*»²¹. 30 мая 1894 г. он был утвержден в степени магистра зоологии и сравнительной анатомии ИСПБУ²².

С 1890 г. Вагнер вел практические занятия со студентами II–III курсов по зоологии беспозвоночных и руководил занятиями студентов, проходивших в Кабинете специальный курс зоотомии. Среди его подопечных на кафедре были впоследствии известные ученые — М. Н. Римский-Корсаков, Н. Я. Кузнецов (1870–1948), П. Ю. Шмидт (1872–1949), С. И. Метальников (1870–1946), Е. А. Шульц (1870–1914) и Г. Ф. Арнольд (1874–1935). Надо сказать, что последние пять лет отец Юлия Николаевича, профессор Вагнер, числился заведующим Зоотомическим кабинетом лишь формально. Даже и обязательный курс зоологии беспозвоночных с 1891 г. вместо профессора читали приват-доценты Н. Н. Полежаев (1857–1903), В. А. Фаусек и Н. К. Книпо-

¹⁹ Фаусек В. А. На зоологической станции: Из поездки на Белое море // Вестник Европы. 1889. Т. 3. С. 305–332, 433–461.

²⁰ Морские Malacostraca (высшие раки) из отряда Mysida.

²¹ Иксодовый клещ — переносчик нескольких бактериальных и вирусных болезней человека, прежде всего энцефалита и боррелиоза.

²² Биографический словарь... Т. 1. С. 118–120.

вич (1862–1939). Фактически руководство кабинетом осуществлял тогда глава Зоологического кабинета профессор В. М. Шимкевич, с 1886 до 1889 г. состоявший ассистентом и приват-доцентом у Вагнера-старшего. По Зоотомическому кабинету Вагнер-младший, несомненно, существенно помогал Шимкевичу, что нашло отражение в истории Кабинета, написанной в 1918 г. Ю. А. Филипченко (1882–1930)²³. Таким образом, студенты Кабинета 1890–1897 гг. во многом обязаны своим зоологическим образованием Ю. Н. Вагнеру.

Ученый принимал активное участие в жизни петербургского научного сообщества: был действительным членом Русского энтомологического общества и С.-Петербургского общества естествоиспытателей, членом-корреспондентом Русского географического общества. Принимал он деятельное участие в VIII–X Съездах русских естествоиспытателей и врачей, во время первого из них работал в качестве члена распорядительного бюро и неперменного секретаря зоологической секции. Был Вагнер также уполномоченным II Международного конгресса по зоологии в Москве (1892).

В эти годы Вагнер сравнительно много публиковался — только до 1894 г. двадцать две его работы вышли в Трудах ИСПБОЕ, Вестнике естествознания и в Трудах Энтомологического общества. Правда, часть опубликованного составляли популярные очерки для журнала «Мир Божий». Писал Юлий Николаевич также для детей — в издании журнала «Игрушечка» вышли его книжки «Растения» и «Животные».

В конце 1896 г. Вагнер защитил докторскую диссертацию «Наблюдения над развитием Arthropoda», куда были включены его исследования по развитию мизид, выполненные в большой степени на Неаполитанской зоологической станции (осень–весна 1895–1896) и по сперматогенезу у пауков — теме, предложенной профессором О. Бючли (1848–1920) во время работы у него Вагнера, и выполненной русским ученым в течение весенне-летнего семестра 1895 г. в Зоологическом институте университета Гейдельберга.²⁴

²³ Рукопись известного генетика, а в то время сотрудника Зоотомического кабинета, была подготовлена к 100-летию Университета (1919), но тогда осталась неопубликованной. Архив кафедры Зоологии беспозвоночных СПбГУ. Об этой рукописи см.: *Фокин С. И. История Зоотомического Кабинета и кафедры Зоологии Беспозвоночных: Неизвестная работа Ю. А. Филипченко // ИИЕТ РАН. Год. науч. конф., М., 2007. С. 617–620.*

²⁴ Годичный акт ИСПБУ, составленный Х. Я. Гоби. СПб., 1896.

Реально с осени 1894 г. Кабинет уже возглавил В. Т. Шевяков (1859–1930)²⁵, который защитил докторскую работу в ИСПБУ за полгода до Вагнера. Юлий Николаевич, оставаясь хранителем Кабинета, помогал Шевякову при проведении общего курса зоологии беспозвоночных и практических занятий по этому курсу. Летом 1897 г. Вагнер с научной целью снова совершил поездку в Сибирь — в Томскую и Енисейскую губернии. Как приват-доцент он читал в это время в Зоотомическом кабинете курс Общей эмбриологии. Очевидно, что перспектив карьерного роста в родном университете у Вагнера не было. Оставаясь приват-доцентом ИСПБУ, он пытался найти место в других городах, и как будто предполагалось получение им профессуры в Юрьевском университете (1896)²⁶. Однако оно не состоялось, и через два года это место получил А. Н. Северцов (1866–1936). В это время в Киеве открылся Политехнический институт имени императора Александра II, и Ю. Н. Вагнер был приглашен туда экстраординарным профессором с 1 июля 1898 г., а уже через месяц ученый стал в Киеве ординарным профессором сельскохозяйственного отделения этого института.

Благоприятный отзыв о Ю. Н. Вагнере был направлен ректору Политехнического института В. Л. Кирпичеву академиком Ковалевским. В нем знаменитый зоолог-эмбриолог писал: «Ввиду открытия кафедры зоологии в учреждаемом Политехникуме имени императора Александра II в Киеве позволяем себе обратить внимание Вашего превосходительства на молодого зоолога Ю. Н. Вагнера, научные труды коего уже составили ему репутацию точного и основательного исследователя»²⁷. Кирпичев, в свою очередь, обратился в Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов: «Я пришел к заключению, что было бы весьма желательно привлечение этого талантливого специалиста в число профессоров вверенного мне Института, о чем имею честь представить на благоусмотрение Департамента»²⁸.

²⁵ Шевяков был в 1881–1884 гг. вольнослушателем Естественного отделения Физ.-мат. ф-та ИСПБУ, но неудовлетворенный, по-видимому, уровнем преподавания старшего Вагнера, уехал в Германию, где окончил Гейдельбергский университет (1885–1889).

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1261. Л. 55–58.

²⁷ Из истории Киевского политехнического института. Изд. КГУ, 1961. Т. 1: 1898–1917 гг. С. 7.

²⁸ ПФА РАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 170. Л. 5, 17; *Карамаш С. Ю., Вировий С. И.* Зоолог Юлий Вагнер — вчений, громадянин, политик.

Помимо преподавания в институте и создания там Зоологического кабинета, при котором Вагнер получил квартиру (№ 9), а также административной работы (Юлий Николаевич с 1899 г. входил в Совет института)²⁹, ученый проводил обширные полевые энтомологические исследования в разных губерниях Украины (Полтавской, Киевской, Черниговской и Волынской) и активно участвовал в работе Киевского общества любителей природы. Он был награжден орденом Св. Анны II степени (1901) и Св. Владимиром IV степени (1906). Продолжал Вагнер и просветительскую деятельность — в 1910–1913 гг. были изданы его труды: «Учебник зоологии для средних учебных заведений», «Рассказы о воде, о воздухе, человеке и насекомых», «Краткий учебник природоведения». Также, совместно со своим бывшим студентом С. И. Метальниковым, он редактировал известную «сытинскую» десяти томную детскую энциклопедию (1913–1914). Жена Вагнера, Е. М. Дзвонкевич, помогала ему по Кабинету и, вероятно, участвовала в распространении книг мужа. Ей в то время принадлежал в Киеве книжный склад (оптовая книжная торговля). Сын — Николай, переехавший с родителями в Киев, окончил там коммерческое училище, а затем окончил Политехнический институт, где преподавал отец³⁰.

Будучи членом партии кадетов, Вагнер вполне сочувствовал революционным событиям 1905 г. и, как следствие, уже состоял в это время на заметке в Министерстве внутренних дел³¹. В 1911 г. он вынужден был подать в отставку. Причиной ее были репрессии против студентов и увольнение трех сочувствовавших им профессоров³². В знак солидарности с уволенными еще 10 профессоров, в их числе и Ю. Н. Вагнер, ушли из Политехнического института³³.

После отставки около года Вагнер работал в Зоологическом музее Академии наук в Петербурге в должности младшего зоолога по вольному найму³⁴, но уже в 1913 г., по-видимому, он возвратился в Киев. Там он получил место руководителя энтомологического отдела Киев-

²⁹ Из истории Киевского политехнического института. С. 31.

³⁰ Рукопись В. Н. Вагнер «Николай Юльевич Вагнер». Архив автора статьи.

³¹ Из истории Киевского политехнического института. С. 183, 237–239.

³² Там же. С. 272–273.

³³ Там же. С. 279; *Карамаш С. Ю., Вировий С. И.* Зоолог Юлий Вагнер — вечный, гражданин, политик.

³⁴ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 103; Ф. 722. Оп. 2. Д. 170. Л. 66. Непродолжительное время он возглавлял в Музее отдел двукрылых (Diptera).

ской сельскохозяйственной станции³⁵. В это время Юлий Николаевич работал и на Днепровской биологической станции (ДБС) Киевского общества любителей природы, в создании и управлении которой он принимал участие как председатель комиссии Общества (с 1912 г.), и о которой им был написан очерк в первом выпуске Трудов ДБС³⁶.

Одновременно Вагнер все больше участвовал в общественно-политической жизни страны. Так, в годы Первой мировой войны он активно работал в «Военно-промышленном комитете», занимавшемся организацией помощи армии. После Февральской революции 1917 г. он сотрудничал также в «Исполнительном комитете», организованном сторонниками Временного правительства на Украине³⁷. В марте 1917 г. Совет Политехнического института принял решение о возвращении в институт профессоров, уволенных в 1911 г., и Вагнер около года возглавлял там кафедру энтомологии.

Гражданская война, которая началась и на Украине, круто изменила весь ход его жизни. Весной 1918 г. Вагнера пригласили войти в состав правительства гетмана П. П. Скоропадского. В этом правительстве Ю. Н. Вагнер возглавил Министерство труда. Главной проблемой того времени был высокий уровень безработицы. Чтобы ее уменьшить, распоряжением Вагнера было выделено 100 млн. рублей для организации общественных работ и создана биржа труда³⁸. Юлий Николаевич был убежденным противником советской власти и подписал в октябре 1918 г. «Обращение 10» к премьер-министру Ф. А. Лизогубу с протестом против установления связей между Украиной и Советской Россией. Министры требовали не иметь таких контактов, пока в России у власти будут большевики, и акцентировали внимание на необходимости поддержки борьбы народов бывшей царской России за образование независимых государств. Их требования не были приняты, и приказом от 24 октября 1918 г. Ю. Н. Вагнер был отправлен в отставку.

После прихода к власти С. В. Петлюры, в начале 1919 г., ученый покинул Украину и, вернувшись в Петроград, некоторое время, по видимому, снова работал в Зоологическом музее. Однако, никаких ма-

³⁵ ПФА РАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 170. Л. 68; Ф. 902. Оп. 2. Д. 89. Л. 1.

³⁶ *Вагнер Ю. Н.* Днепровская биологическая станция Киевского общества любителей природы // Тр. ДБС. 1914. Т. 1. С. 1–13.

³⁷ *Карамаш С. Ю., Вировий С. И.* Зоолог Юлий Вагнер — вчений, громадянин, політик.

³⁸ Там же.

териалов о жизни Вагнера в Петрограде в 1919 г. пока найти не удалось. В 1920 г. Юлий Николаевич со своей второй семьей (женой и двумя детьми)³⁹ навсегда покинул Россию и более 20 лет жил и работал в столице Сербии — Белграде⁴⁰.

Волны российской эмиграции расплескались по всему миру, но, прежде всего, после революции и Гражданской войны люди уезжали (бежали) во Францию, Германию, Чехословакию и на Балканы. Так, только Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. — Королевство Югославия), приняло с весны 1919 по начало 1923 г. до 70 000 русских беженцев, более 40 000 из которых задержались там на долгое время или же остались жить навсегда⁴¹. Для разоренной войной Королевства это увеличение населения было тяжелым бременем, на которое оно решилось, прежде всего, памятуя традиционные исторические, религиозные, культурные и династические связи с Россией и, вероятно, отдавая дань русской политике на Балканах в конце XIX — начале XX в. Благоприятное отношение к русским эмигрантам со стороны сербского государства определялось, по-видимому, и тем, что значительную часть приехавших составляла техническая и научная интеллигенция, оказавшая впоследствии значительное влияние на развитие сербской культуры и науки. К концу 20-х годов XX в. в Югославии было зарегистрировано 85 научных, культурных и сословных русских объединений⁴². Среди русских эмигрантов в Сербии было около 75 % людей с высшим и средним образованием, тогда как местное население было на 80 % неграмотным⁴³. Неудивительно, что значительное число русских ученых, осевших в 20-е гг. в Сербии, стали преподавателями гимназий, различных училищ или университетов. В Белграде русская диаспора достигала 10 000 человек, и сравнительно многие ученые получили возможность работать в Белградском университете. В 1922/1923 гг. русских преподавателей на философском факультете

³⁹ Карамаш и Вировий упоминают дочь Ию и сына Ора. В письмах (1922–1940) к М. Н. Римскому-Корсакову сам Вагнер почему-то упоминает только сына.

⁴⁰ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 89. Л. 1. Волков и Куликова (2003) указывают, что Вагнер покинул Россию из Одессы и, стало быть, возможно, в 1920 г. жил какое-то время на юге России.

⁴¹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971; Сибинович М. Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 7–26.

⁴² Сибинович М. Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века.

⁴³ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия; Русская эмиграция в Югославии.

было 14.2 %, на юридическом — 21.7 %, на техническом — 30.9 %, на богословском — 25 % и на сельскохозяйственном — 37.5 %! К концу десятилетия эти показатели несколько снизились, но все равно были не ниже 9 %, а на сельскохозяйственном факультете были выше 20 %⁴⁴. Ю. Н. Вагнер получил место профессора зоологии на Сельскохозяйственном факультете и параллельно преподавал естествознание в гимназии (1920—1934). Вот как он сам описывал ситуацию в Белграде в письме к М. Н. Римскому-Корсакову от 2 февраля 1922 г.: «Все профессора, приехавшие сюда, так или иначе устроились. Большинство получили кафедры. У нас на агрономическом факультете теперь семеро русских профессоров <...>. Долгое время упорно не принимали русских на медицинский факультет, но неимение своих специалистов и тут заставило, в конце концов, прибегнуть к русской помощи. Всего менее русских профессоров на философском факультете, всего больше на агрономическом и техническом <...>. Жизнь здесь в смысле внешности вполне нормальная — как у нас в давнее время <...>. Жалования здесь небольшие, так что семейному человеку необходимо прирабатывать. Сравнительно с чиновниками в лучшем положении рабочие специальности, так как рабочие руки здесь дороги. Какой-нибудь наборщик получает больше, чем профессор университета или учитель гимназии. Простой чернорабочий зарабатывает столько же, как ассистент <...>. Мне моего заработка вполне хватает. Кроме того, я еще преподаю в гимназии. Вообще я в материальном отношении ни в чем не нуждаюсь и могу даже помогать другим. Сравнить здешние условия с Вашими, конечно, нельзя. Хуже дело обстоит с духовною пищей. Страна мало культурная. Хороших библиотек нет, решительно все для работы научной, начиная с приборов и кончая простыми банками и обыкновенными реактивами, — надо выписывать из-за границы. Необходимая научная литература совершенно отсутствует. Например, нет ни одной книги, даже популярной, по энтомологии, нет ни одного определителя насекомых <...>. Одним словом, положение плохое, как было у нас преимущественно в начале шестидесятых годов (XIX в. — С. Ф.) <...>. Считаю, что наш долг не уезжать отсюда, пока не оставим стране нужных учебников и других необходимых руководств по своей специальности. Это надо сделать, хотя бы за оказанное нам гостеприимство <...>»⁴⁵.

⁴⁴ Русская эмиграция в Югославии.

⁴⁵ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 89. Л. 1—4.

Спустя год, в марте 1923 г., Вагнер писал своему корреспонденту в Петроград: «Сербы ко всему относятся довольно поверхностно, больше формально, не вникая в существо и всячески избегая всякого контроля, как по отношению к своим коллегам, так и по отношению к себе со стороны кого бы то ни было. Наше желание вникать в дело глубже они принимают за навязчивость, за непрошенные и неуместные советы, даже за желание уколоть их самолюбие. А это самолюбие у них чрезвычайно развито — очевидно, как следствие недавнего рабства турецкого. Вероятно, этим объясняется болезненное национальное чувство у многих мелких народностей, бывших под игом других национальностей (поляки, финляндцы и др.). Читаем мы все, конечно, по-сербски <...>»⁴⁶.

До получения дополнительных материалов о жизни и деятельности Ю. Н. Вагнера в Сербии из архивов бывшей союзной республики Югославии (наличие таких документов вполне вероятно, но пока не очевидно), приходится реконструировать эмигрантскую часть жизни ученого по его письмам в Россию.

В связи с резким увеличением населения в Белграде вследствие русской эмиграции (до 10 000 русских осели в 1919—1921 гг. в столице КСХС), в городе был жилищный кризис, и большинство эмигрантов, в том числе и Вагнер с семьей, жили в мебелерованных комнатах. Только в конце 1926 г., благодаря поддержке правительства и университета, профессора смогли построить «университетский городок» (колонию профессоров), где Вагнеру принадлежал двухэтажный дом по адресу ул. Стояна Новаковича, 28.

Первые, самые трудные для адаптации в новой стране годы почти полностью прошли в хлопотах по устройству зоологической (энтмологической) лаборатории при Сельскохозяйственном факультете Белградского университета, подготовке и чтении лекций. Юлий Николаевич читал лекции на сербском языке, хотя, как он сам отмечал в письмах, «на мало знакомом и, кстати сказать, для нас, русских, весьма трудном языке»⁴⁷. Вскоре, в 1923 г., на базе организованной Вагнером лаборатории (занимавшей вначале всего две комнаты) был создан Энтмологический институт Белградского университета (ул. Приштинска, 21; впоследствии — ул. Крупска, 77). В 1925 г. ему удалось после двухлетних хлопот получить свои рабочие материалы по Arphaniphera,

⁴⁶ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 89. Л. 5.

⁴⁷ Там же. Л. 4.

остававшиеся в Зоологическом музее (Ленинград). Появилась надежда закончить большую работу для серии «Фауна России», начатую еще до отъезда из Петрограда. С большим энтузиазмом Юлий Николаевич продолжил эту работу, и в марте 1928 г. ее рукопись была отправлена в Россию. Тем временем (1926) он наладил сотрудничество со своим коллегой из Саратова — врачом-эпидемиологом И. Г. Иоффом, занимавшимся переносчиками тифа, а также опубликовал в Ежегоднике Зоологического музея «Критическо-исторический очерк классификации блох» (1927). Тогда же в Москве и Ленинграде вышел отдельным изданием определитель насекомых, подготовленный Вагнером совместно с Тарбинским.

В 1925–1926 гг. основная активность Вагнера была направлена на организацию Энтомологического общества КСХС и журнала при нем — в мае 1926 г. состоялся первый местный Энтомологический конгресс, целиком подготовленный группой сербских энтузиастов во главе с русским ученым.

В сентябре 1928 г. в течение недели в Белграде проходил 4-й Съезд русских академических организаций, на который съехались более ста участников со всей Европы. Там Вагнер выступил с сообщением «К вопросу о соотношении фауны паразитов и их хозяев». Тогда же он начал свою работу и в Белградском русском научном институте. Вагнер был в числе его организаторов и активных работников.

В дальнейшем, продолжая заниматься фаунистикой блох, ученый все больше внимания уделял общим вопросам эмбриологии и биологии этих насекомых: «Главная текущая работа осталась все та же — по гистолизу у блох во время метаморфоза. Сейчас просматриваю литературу по симбиозу бактерий с насекомыми»⁴⁸, — писал ученый в Ленинград. Заниматься наукой для Вагнера после 1930 г. стало сложнее. Согласно законам Югославии, 65-летний профессор был вынужден перейти на работу по контракту. Когда же в 1932 г. стал реальностью переезд Сельскохозяйственного факультета за Дунай — в г. Земун, Вагнер полностью ушел на пенсию, сохранив за собой только уроки в гимназии, где учился его сын Ор. Он продолжал сбор уникальной коллекции блох, которую предполагал передать в Зоологический музей Ленинграда (тогда уже Зоологический институт), писал статьи для Вестника югославского энтомологического общества, несмотря на возраст, совершал экскурсии по окрестностям Белграда.

⁴⁸ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 89. Л. 106.

В это время им была описана коллекция блох Берлинского зоологического музея и составлен определитель блох северной Африки для врачей-практиков⁴⁹.

Судьба его рукописи для «Фауны России» оказалась несчастливой — в конце 20-гг. XX в. в Советском Союзе начался бумажный кризис, а в 1930 г. по академическому делу был арестован директор Зоологического музея А. А. Бялыницкий-Бируля (1864—1937), который курировал эту работу. «Не слышно ли что нового о печатании Фауны? — писал Вагнер М. Н. Римскому-Корсакову в 1932 г. — Я еще не совсем потерял надежду, хотя она (работа) теперь порядком устарела и требует переделки, исправлений и дополнений — во многих местах»⁵⁰. В 1933 г. он предлагал, чтобы его саратовский коллега Иофф доработал его рукопись для «Фауны России» с включением своих материалов и опубликовал эту работу за двумя фамилиями. Однако она так и не увидела свет. Зато в конце 1935 г. в Германии вышел из печати его большой обзор фауны блох средней Европы⁵¹.

Несмотря на ухудшение здоровья, Юлий Николаевич по-прежнему много работал. В феврале 1936 г. он писал Римскому-Корсакову: «Умер и второй мой ассистент (Арнольд был первым)⁵², а я еще все живу, но очевидно теперь очередь за мною. Всякие проявления старости вроде склероза аорты, расширения левого желудочка, болей в почках и т. д. все чаще напоминают о себе и тормозят мою работу»⁵³. Тем не менее, несмотря на военное время, в 1939 г. ученый начал новую работу над определителем блох всего света, хотя она и шла не так быстро, как хотелось бы Вагнеру. В конце 1940 г. он сетовал в письмах на недостаток литературы и резкое сокращение переписки с коллегами из России. Скоро эта переписка прекратилась совсем — в СССР началась Великая Отечественная война.

⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 170. Л. 117.

⁵⁰ Там же. Д. 89. Л. 70.

⁵¹ В 1939 г. Вагнер выпустил также обзор Arhaptiptera в знаменитой немецкой серии „Klassen und Ordnungen des Tierreichs“ (Bd. 5: Arthropoda, 3 Abt. Insecta, XIII Buch, Teil f. Leipzig, 1939. 114 S.)

⁵² Георгий Федорович Арнольд — студент Вагнера в ИСПБУ (1894—1897) и его ассистент в КПИ (1898—1911). С 1914 г. был профессором зоологии в Харькове (с/х ин-т, ун-т), где создал одну из крупнейших на Украине научных школ по зоологии беспозвоночных.

⁵³ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 89. Л. 126. Имелись в виду А. Лебедев и Г. Ф. Арнольд.

События последних лет жизни Ю. Н. Вагнера, таким образом, мне неизвестны. Почти ничего о них не знали и в семье старшего сына ученого — Н. Ю. Вагнера⁵⁴. Однако внучка Юлия Николаевича, В. Н. Вагнер, была уверена, что обширная коллекция Вагнера была продана им в годы войны в США, а сам ученый, будучи принципиальным противником Советской власти, покинул Югославию, когда туда в 1944 г. вошла Советская армия. По ее словам, смерть застала его уже в Австрии в начале 1946 г.⁵⁵ Правда, согласно материалам, опубликованным в справочнике «Незабытые могилы», Юлий Николаевич умер (погиб?) 4 апреля 1945 г.⁵⁶ Местонахождение могилы Вагнера, как и его архива, если таковой сохранился, пока неизвестно.

⁵⁴ Семья Н. Ю. Вагнера жила в Праге, а потом в Братиславе, и, видимо, близкого общения между родственниками не было.

⁵⁵ Запись беседы автора статьи с В. Н. Вагнер. Москва, июнь 2007 г. Архив автора. На сайте http://free-zg.htnet.hr/Vogomir_Milosevic/mirror/osobeW.htm приведена другая дата смерти — Верхняя Австрия 04.10.1944.

⁵⁶ Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрологи: 1917–1997 / Сост. В. Н. Чудаков. М., 1999. Т. 1. С. 475.